

Светлые
книги

Маруся
Светлова

Капля бога

р а с с к а з ы д л я д у ш и

Маруся Леонидовна Светлова

Капля бога (сборник)

Серия «Рассказы для души»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34049049

ISBN 978-5-904777-12-8

Аннотация

Сборник эзотерических рассказов о нашей соединенности с Высшими Силами – с Богом, Космосом, Вселенной.

Эта книга о возможности жить с ресурсами Высших Сил.

Жить в соответствии с Планом Жизни, выстроенным для каждого из нас с любовью и заботой о нас.

Жить в согласии с собой.

Эта книга о возможности жить в лучшей, самой чистой и правильной версии себя – ощущая и проявляя себя каплей Бога, которой является душа каждого из нас.

Жить в состоянии любви, которой мы и были созданы – по образу и подобию Божьему.

Содержание

Яблоко раздора...	4
Игры Бога	20
Капля Бога	45
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Маруся Светлова

Капля Бога

Яблоко раздора...

Он появился перед ней неожиданно, просто стек с толстой ветки дерева Эдемского сада, и сам был похож на крепкую толстую ветку, с такими же разводами узора на чешуе, как кора дерева, на котором он жил.

Он был Змей. Он был Искуситель.

И Ева – чистая и наивная Ева, сидевшая в наивной своей чистоте и нагоде под прекрасным этим живым и ярким деревом, – не отстранилась от него: был он как часть этого дерева, как продолжение этой ветки, часть этой Райской жизни.

И когда голова его, маленькая, плотная, с жесткими темными глазами появилась перед ее лицом, она не испугалась. Она была в Раю: ничего плохого не могло произойти здесь с нею. Она была защищена самим Раем, самим Богом. И были она и Адам, муж ее – любимыми детищами Бога, Божьими творениями, полноправными членами Рая.

И когда Змей, все так же глубоко и пристально глядя в ее глаза темными своими глазами, плавно и мягко вынес перед ней в кольцах своего гибкого тела тугое краснобокое яблоко – она не переменила положения тела, не проявила к проис-

ходящему никакого интереса.

– Возьми, – даже не услышала, почувствовала она внутри себя его голос. – Возьми... Откуси это яблоко... Попробуй это яблоко...

Но она – не протянула руки, даже не пошевелилась, только мягко улыбнулась в ответ, и даже плечиком как-то поженски повела – не надо было ей этого яблока. Нельзя было им с Адамом брать это яблоко. Как и другие яблоки с этого дерева.

И она ответила так же мягко, глубоким мелодичным женским голосом, потому что была истинной женщиной, гибкой, плавной, мягкой и в то же время тугой, налитой соками и силами. И голос ее, звучавший сочно, – просто выражал всю ее природную женскую суть:

– Нам – не нужно. У нас все есть...

Сказала и отвернулась, показывая, что разговор закончен.

Но голова Змея опять плавно и неожиданно появилась перед ее лицом, и темные глаза его опять сверлили ее своим взглядом. И как будто бы глаза эти одним только взглядом своим сказали ей:

– Откуси, попробуй... Такого ты еще не пробовала. Этого ты еще не *знаешь*... Это надо *узнать*...

И она снова улыбнулась, потом – рассмеялась, рассмеялась весело и звонко, как может смеяться настоящая, живая, наполненная силой и страстью женщина. Она рассмеялась, и откинулась в зеленую траву, положив руки под голову, пре-

красная и чистая в своей наготе. И увидела все это дерево познания с запрещенными плодами, и синее небо над ним, и стаи птиц, и все проникнутое светом пространство.

Им действительно ничего не было нужно. Все нужное им, было у них. Все нужное приходило им, давалось им, как и всем обитателям Рая: птицам и зверям, каждой твари, созданной Творцом. Они были. Они жили. И были счастливы от самого осознания того, что они живые, полные сил и радости, которая вырывалась из них. Они были красивы и свободны. Они были естественны и полноценны, такие, как есть.

Змей опять возник рядом, близко, головой почти касаясь ее уха, почти обвивая ее кольцами своего длинного и гибкого тела. И яблоко это – тугое, крепкое, оказалось лежащим между двух холмов ее груди с яркими налитыми розовыми сосками, создав тем самым какой-то диковинный, невиданный пейзаж.

– Это надо *узнать*... Ты многого еще не *знаешь*... Это – яблоко с древа познания. Откуси, попробуй – ты *узнаешь* такое, чего не знала.

И слова его текли в нее, текли, как тяжелые капли, просачиваясь сквозь ее уши, сквозь поры ее тела. И усыпляли ее, делая тело тяжелым, наполняя его какой-то непонятной истомой.

– Откуси, попробуй... Все знания мира откроются тебе...

– Откуси, попробуй... Эти знания дадут тебе такую власть над миром, какой ты еще не знала...

– Откуси, попробуй, и будешь ты – как Бог. И Адам станет – как Бог. И будете вы – как Бог во власти своей над миром...

И уже во сне ее все повторялось и повторялось:

– И будете вы – как Бог...

– И будете вы – как Бог...

И проснувшись, пробудившись, как от толчка, Ева сразу увидела это яблоко – крепкое, налитое соками, лежащее на ее груди, скрывавшее в себе это: «И будете вы – как Бог». Она взяла его в руки, поднесла к лицу, ощутив сладкий, притягательный аромат.

И спустя мгновение, найдя Адама спящим на траве в тени кипарисового дерева, – Ева приникла к нему, обвив его тело своим телом, почувствовав в себе силу и пластику змеи, и прошептала в его ухо:

– Посмотри, что я тебе принесла...

И шептала и шептала...

И слышно было в ее шепоте:

– И будем мы – как Бог...

Ощущение было необыкновенное.

Как будто глаза его открылись и все вокруг стало ярким, другим, как будто уши его стали слышать лучше в то мгновение, когда откусил он кусочек от краснобокого этого яблока и первые соки его попали в тело.

И Ева, откусившая вслед за Адамом от этого яблока с дерева познания, тоже удивленно озиралась, как будто бы впер-

вые увидев это место.

И в ту же секунду проснувшийся в них ум, который спал все годы их жизни – потому что зачем был он нужен в Раю, где все и так случалось и получалось, – стал буравить вопросами: «Где мы? Почему мы здесь? Что это? Почему это так? Как это сделано? Из чего состоит?»

И жажда *знания* обрушилась на них, как поток, как лавина, и с той секунды закончились их покой и безмятежность, расслабленность и защищенность: одни вопросы, вопросы, желание *узнать* руководило отныне их действиями.

И рука Адама потянулась к ветке дерева *познания*, и отломила ее, чтобы рассмотреть, как она сделана, что у нее там, внутри.

И рука Евы потянулась к зеленому живому листу, тугому и сочному, чтобы сорвать и оторвать кусочек, чтобы понять, как он сделан, что там, внутри.

И отбросив на пол *узнанное*, они посмотрели друг на друга и *узнали* вдруг, что они разные. Узнали то, чего раньше не знали, потому что зачем им было что-то знать, когда они просто любили друг друга и свою райскую жизнь, и ни о чем не думали – просто жили и радовались жизни?

И опять вопросы, вопросы зазвучали в них: «Почему мы такие разные? Почему у Адама есть то, чего нет у Евы? Зачем Еве то, чего нет у Адама? Как жить вместе таким разным людям?»

И Бог, подошедший тихо, в каких-то мудрых своих разду-

мьях, увидел беспокойство на их лицах, такое непривычное для Рая, в котором все были покойны и счастливы, потому что были бездумны.

И Адам, увидев тело Бога, по образу и подобию которого и был создан, проснувшимся умом своим сравнив тело Бога со своим, прикрыл руками то, что было меньше, чем у Бога, *узнав* сразу свое несовершенство.

И Ева, увидев мужчину, которого раньше не *знала*, не видела в Боге, потому что ум ее спал до той минуты и ничего не анализировал, не сравнивал, не придумывал никаких условностей, – прикрыла наготу свою, озадачившись вопросами: «Хорошо ли я выгляжу? Что он подумает обо мне, увидев меня обнаженной? Прилично ли это?»

И Бог Всевидящий и Мудрый понял все в это же мгновение.

– Эх вы, неслухи, – только и сказал Бог и головой покачал огорченно. И посмотрел на них, склонивших перед ним головы с руками, прикрывавшими наготу их, печальным и глубоким взглядом. – Неслухи вы неслухи... Сами не знаете, что натворили...

– Мы просто хотим понять... – начал несмело Адам, и Ева поддержала его:

– Мы хотим узнать...

И Адам перебил ее:

– Мы хотим узнать, как все сделано, из чего все сделано, зачем сделано...

– Почему все так, а не иначе? Зачем это все? Почему? Для чего? – подхватила Ева. И добавила: – Нам нужно знать...

– Вам нужно знать? – задумчиво и грустно повторил Бог. И добавил уже возмущенно: – Что нужно вам знать из того, что вы не знали, когда просто жили и были счастливы? Зачем вам знать то, что вам не дано знать, иначе бы вы это знали?..

И понимая, что разговор этот бессмыслен, замолчал. В них проснулась жажда знания – знания ненужного, неважного... Но разве объяснишь это их проснувшемуся уму, жаждавшему знаний, как пищи?

– Нам нужно знать, как все сделано, чтобы понять как все сделано... – робко начал Адам.

И Ева опять поддержала его:

– Мы же ничего не знаем...

– Вы думаете, если вы будете знать то, что вам не надо знать, – вы станете счастливее? – печально спросил их Бог, не ожидая ответа. Ибо разве понимали они, что натворили...

И Адам, недовольный непониманием Бога, попытался объяснить Богу проснувшееся в нем желание все узнать:

– Может, надо что-то переделать... Может, что-то надо изменить... – напористо сказал он.

– Может, что-то надо усовершенствовать, – горячо поддержала его Ева.

И посмотрел Бог на сломанную ветку, валяющуюся под ногами Адама, на растерзанный лист, оторванный от целого и одиноко лежащий на земле, и сказал уже не печально, а

угрожающе:

– Переделать вы хотите? Усовершенствовать? Что усовершенствовать? Совершенное творение мое?..

И, не ожидая ответа от них, склонивших головы, сказал уже просто, смиренно, как бы приняв свершившийся факт:

– Ну что ж, переделывайте. Совершенствуйте. – В глазах Бога зажглись озорные огоньки. – И сами в своем *совершенстве* поживите... Только тут – нечего вам делать, тут и без вас хорошо. *Совершенно*, – сказал Бог с каким-то скрытым смыслом. – Идите на Землю, там и совершенствуйте творение мое, как хотите...

И добавил, уходя:

– Нечего Рай портить...

И произнес совсем уже тихо, ни к кому не обращаясь:

– Землю уродуйте...

...Земля была пустынна. Повсюду, куда простирался взор, – пустота, безлюдье. Только два человека на всей планете были в это мгновение – Адам и Ева. И осознание этого одиночества вошло в их кровь. Одиночества на планете, огромной и бесконечной...

И это одиночество не покидало их уже никогда. Ни их. Ни детей их. Ни детей их детей. Как будто через кровь, с молоком матери будет передаваться оно от человека к человеку, от поколения к поколению. Одиночество – среди людей. Одиночество – наедине с собой. Одиночество во Вселенной.

Оторванность от целого. Потому что они и были оторваны от целого. От творца, создавшего их по образу и подобию своему. От природы, как единого и прекрасного целого...

И много лет спустя умирающая Ева, лежа на смертном одре, окруженная детьми и внуками, в очередной раз поразится этому непроходящему ощущению своего одиночества и вспомнит почему-то сорванный ею с дерева лист, оторванный от целого, изуродованный ее проснувшимся любопытством... И посмотрит на детей и внуков своих, в каждом увидев этот лист... Но – поздно уже будет что-то менять. И только вспомнит она: «И будете вы – как Бог» и заплачет тихо последними своими слезами над ошибкой своей и над Божьим проникновенным: «Неслухи вы, неслухи...»

Но сейчас, в одиночестве этом, как будто бы испугавшись глобального какого-то ощущения малости своей, уязвимости своей в масштабах этой планеты, Адам, бодрым голосом, каким и будут потом во все века говорить мужчины со своими женщинами, пытаясь скрыть страх и неуверенность, сказал: – И правильно сделали, что из Рая ушли...

И сам смутился от этого «ушли», потому что – разве ушли они? Разве был у них выбор – быть там или уйти? Их выставили из Рая, как нашкодивших детей, какими они и были. Но только разве нашкодившие дети хотят признаваться в том, что были неправы?..

Но Ева помогла ему, помогла, охотно поддакнув ему, поддержав его мысль, чтобы скрыть от самой себя ощущение

своей вины, ошибки своей, когда взяла она в руки яблоко и Адаму его предложила. И теперь по глупости своей, сидит тут в одиночестве на огромной этой и такой страшной этой огромностью планете.

– Мы здесь будем как Боги, Адамчик, как Боги, – заговорила она быстро, как бы уговаривая себя и его. Как с малым дитем разговаривала, успокаивая его, поглаживая. Как и будут потом все женщины на этой планете разговаривать со своими мужчинами, делая вид, что не замечают их слабости и сомнений.

– И правильно, что ушли. Правильно, – продолжила она все так же успокаивающе. – Зачем нам этот Рай... Нам и тут будет хорошо...

Но слова ее не успокоили Адама.

То, что он чувствовал сейчас – было страшно и огромно. После Рая, где он был частью прекрасной и совершенной картинки, частью прекрасного пейзажа, частью целой и законченной системы, элементом ее, гармонично вплетенным во все сотворенное Богом, – защищенным и любимым, – пустота, оторванность и незащищенность были так огромны, что хотелось свернуться комочком и заскулить, как скулят брошенные щенки, призывая мать. Но только разве мог он, мужчина, показать настоящие свои чувства перед женщиной?

– Ну и пожалуйста, – тихо произнес он, отходя от Евы, – не очень-то и нужно... – Сказал с упрямством, как говорят малые дети, чтобы не признаться в своей ошибке. – Ну и без

Бога обойдемся... И без Рая Его... Мы тоже... Мы – не то, что другие! Мы – люди! А человек – это... – И слов он не мог подобрать, чтобы объяснить, что такое человек...

– Человек – венец природы! – вдруг нашел он нужные слова. И даже приободрился, когда произнес их. – Сам Бог так сказал: «Человек – венец природы!» – уже уверенно произнес Адам. – А значит, и место наше не там, потому что мы – особенные...

– Мы и сами будем как Бог... Будем – как Бог! – произнес он уже громко и вверх посмотрел: мол, слышал?..

...Он – слышал. И услышав в очередной раз глупое это и напыщенное «венец природы», только головой помотал да рукой взмахнул: мол, вот уж глупость несусветная! Вот куда человека гордыня доводит.

И подумал удивленно: не успели из Рая уйти, не успели начать жить умом, как уже в глупости и гордыне погрязли.

«Человек – венец природы!» – с иронией подумал Он.

Да, Он сам так сказал, сотворив человека последним, замыкая им череду своих творений. И смысл этого «венец» и был именно такой – последний, замыкающий.

Как последний элемент *целого* здания. Как часть его. Одна из деталей. Всего лишь часть, всего лишь деталь – не важнее других. Просто – замыкающая целое. А он – вот как повернул...

– Да... – подумал Бог печально. – Вот он как повернул...

Ну, что ж, посмотрим, посмотрим.

Хотя что тут было смотреть, когда и так уже было ясно, к чему это приведет. Понятно Ему было, что бывает, когда малое несмышленное дитя начинает считать себя венцом природы и вести себя как Бог...

...Он, человек, все перекопал, все переломал на этой планете в детском своем любопытстве.

Он все перерыл, ища ответы на вопросы, которые не давали ему покоя: «Из чего все сделано? Что можно из этого сделать? Что можно еще придумать? А что можно усовершенствовать?»

И он придумывал и придумывал своей неумной головой, придумывал то, что придумывать было не надо, – иначе бы все это уже придумал Творец.

И спустя века – жил в своем придуманном мире, с придуманными условностями, сидел и жирел от того, что мало двигался, в придуманном им автомобиле в пробках, задыхался в парах придуманного им бензина, жил в придуманных им жилищах, сделанных из придуманного им бетона и химикатов, ел придуманную им искусственную еду. И считал себя венцом природы, совершенствующим мир.

...Он, человек, все время работал. Он работал и работал, чтобы прокормить себя. Он работал, в поте лица своего добывая хлеб свой насущный, – то, что раньше, в Раю, просто

давалось ему, просто приходило ему через Райское изобилие. Он работал и работал все больше и больше, чтобы иметь то, что имеют все, чтобы быть, как все, чтобы быть не хуже людей. И вся жизнь его превращалась в один бесконечный поток работы, работы, работы...

...Он, человек, все время думал. Думал и думал. Он думал и думал о том, о чем никто из живых существ не думал. И жил он в постоянных вопросах: «Зачем я живу? Ради чего? В чем смысл жизни?..»

Он жил с постоянным желанием знать: «За что? Почему? Почему так, а не иначе? Почему это происходит со мной, а не с другими? Почему у других есть, а у меня нет?»

Он жил в постоянных сомнениях: «Получится или не получится? Надо ли мне это? Может, надо искать что-то другое? Это нормально – что со мной происходит? Может, я какой-то не такой? Может, мне надо быть каким-то другим? Каким мне надо быть? А как таким стать? А получится у меня таким стать?..»

Вопросы рождали в нем постоянное беспокойство, непреходящее беспокойство.

Ум буравил его мозг вопросами. Ум не давал покоя. Ум пожирал жизнь...

...Он, человек, все время нарушал Божью волю, отменял Его правила, противоречил Его планам – потому что хотел

быть как Бог.

Он вторгся во все тайны природы – куда нельзя было ему вторгаться, ибо не было на то Божьей воли.

Он нарушил закон Его – единственный непреложный закон, по которому жили все живые существа, – закон *естественного* отбора. Все на этой планете подчинялись этому закону, справедливому и честному для всех живущих на планете: жить должны готовые для жизни, те, кто может жить, в ком есть силы жить, кто дает сильное, здоровое потомство. Иначе – популяция изживет сама себя, истребит себя слабым, больным поколением.

Так было всегда. Так жили все. Кроме человека.

Ибо он спасал своих детенышей – квелых, уродливых, слабых и больных, не приспособленных к жизни. Он спасал тех, чей Божественный План жизни содержал всего несколько дней, или месяцев, или лет жизни, отпущенных Богом этому ребенку. Время, за которое этот человек и должен был прожить всю свою жизнь и готовиться к новому воплощению более высокого порядка.

Но разве мог человек подчиняться высшей воле? Разве не совал он свой нос везде, пытаясь все переделать и усовершенствовать? И техника, которую он выдумывал и выдумывал, спасала и возвращала к жизни – полуумерших, слабых, ущербных...

В Раю все было по-прежнему.

Все нужное обитателям Рая – птицам и зверям, каждой твари, созданной Творцом – было у них. Все нужное приходило им, давалось им.

Они – были. Они – жили. И были счастливы от одного осознания того, что они живые, полные сил и радости, которая вырывалась из них. Они были красивы и свободны. Они были естественны и полноценны. Такие, какими были созданы.

Они были защищены. Они были в безопасности. Они были в покое. Они были в Божьей любви.

В Раю все было по-прежнему.

И смотрел Бог с Райских высот на землю – на людей, какими они стали от ума своего, желания быть как Бог и стремления усовершенствовать сотворенное Им, и только головой качал печально.

Были они загнаны в усталость от постоянного стремления прокормить себя, заработать все больше и больше.

Были они суетливы и неврастеничны, в вечных метаниях и сомнениях, увязшие в собственном уме, как в страшном болоте.

Было это человеческое поколение квелое и немощное, болезненное, слабое, вырождающееся, потому что слабые и ущербные только таких и могли рождать на свет. А от них рождались еще более болезненные и слабые. А от них еще и еще.

Было это поколение людей ущербным, но все еще считавшим себя – *как* Бог. Считавшим себя венцами природы.

И – жалкое это было зрелище...

И смотрел Бог строго и укоризненно на дерево познания, туда, где в темноте его густых ветвей поблескивали темным светом маленькие, глубокие глаза Змея, бессмертного обитателя Эдемского сада.

И взгляд Змея отвечал на строгий, укоризненный взгляд Бога:

– А я что? Я – ничего... Ничего такого я им и не обещал. Я же сказал – будете вы *как* Бог... *Как* Бог... Разве я кого-то обманул?..

Игры Бога

...Он был Вездесущим и Всемогушим.

Он существовал везде и мог – все.

Он был – Бог.

Он был любовью, безусловной и всеобъемлющей.

Он просто любил и просто давал желаемое.

В этом был Его смысл...

Он смотрел сквозь мутное какое-то, невымытое окно на перрон и мысли его текли как-то вяло, медленно – так же, как текло время.

Он стоял и ждал, и ожидание это было уже надоевшим – время в ожидании всегда почему-то замедляется. Он уже насадился в кресле, и даже сходил в станционный буфет. И пошел он туда не потому, что хотел есть, – не любил он такую еду, не доверял ей, всегда казалось ему, что сделаны эти котлеты или салаты из каких-то второсортных продуктов, потому что кто будет ради пассажиров, которые только что вот были – и нет их, – уже сели на поезд и уехали – готовить что-то качественное и свежее? Но время так тоскливо тянулось, что хотелось просто чем-то занять это время, чем-то наполнить. И он наполнил его и себя едой. И еда была невкусной – непонятного срока приготовления. Размытого какого-то вкуса. И съелась она быстро, хоть и ел он ее не спеша.

И времени от этого не стало меньше – еще несколько часов ожидания. И он уже от корки до корки прочитал две газеты, второсортные, желтые, скандальные и глупые, и уже походил по перрону, оставив свой чемодан под присмотром пожилой супружеской пары, сидевшей на своих местах прочно и надежно: как сели они на них два часа назад – так и сидели, ожидая того же поезда, что и он.

И передумал он уже обо всем, о чем думалось: и о ссоре с женой, и о работе, которая в последнее время все больше напрягала, и о встрече выпускников, с которой он возвращался, – и настроение от этой встречи было какое-то двойственное – вроде бы и радостная это была встреча, и – грустная.

С одной стороны, хотелось ему повидать своих бывших друзей и посмотреть на всех, кто каким стал. И на девушку, в которую был влюблен и на которой даже жениться собирался, хотелось посмотреть и вроде бы как примериться, – не много ли он потерял. И думалось ему еще перед этой поездкой, что совсем другая у него могла быть жизнь, если бы на ней он женился, а не на Светке, которая только нервы мотала, стервозничала, капризничала – и даже ребенка родить не смогла. То было им рано. То не время. Теперь уже поздно, здоровье у нее, мол, не то, да и зачем?

И, встретив среди своих бывших однокурсников Аглаю, – бывшую свою любовь, которая оказалась расплывшейся немного, но все же очень еще миловидной, и была матерью троих мальчишек, – мысли о другой своей возможной жизни

с еще большей силой зазвучали в нем. И грустно ему было на этой встрече – как будто бы с молодостью своей он встретился, с мечтами своими, с ожиданиями, со всем тем, что не сбылось.

И теперь здесь, на этой станции, в ожидании поезда – мысли эти о мечтах своих несбывшихся, – бродили в нем. Вспоминалось ему, о чем он мечтал. О какой жизни. И с новой силой вспыхнули в нем мальчишеские еще, юношеские мечты.

Вспомнил он, как мечтал поехать в Ленинград, даже деньги тайком откладывал, казалась ему эта поездка тогда чем-то необыкновенным – белые ночи, Александровский сад, Эрмитаж, крейсер «Аврора». Но это так и осталось мальчишеской мечтой: деньги он истратил на такое же мальчишески важное – купил сборную модель корабля и собирал его долго и кропотливо со своим другом Ванькой Козловым.

Вспомнил, как хотелось ему – страстно, настойчиво – купить велосипед. У всех мальчишек их двора уже были велосипеды, но его родители, что называется, уперлись рогом: «Некуда ставить... Некуда ставить... И так в квартире не разойдешься...»

Вспомнилось, как мечтал он на новенькой машине подъехать к дому родителей, чтобы все соседи посмотрели, каким стал он, Веня Кораблев, какой из него толк получился. И чтобы бабушка посмотрела, которая все время предвещала: «Не будет из тебя толку...»

Хотелось ему стать студентом, ходить на лекции, вообще тусоваться в студенческой среде, чтобы доказать одноклассникам, что он тоже не лыком шит...

Хотелось достать по блату новенький дипломат. Мечтал он о джинсах, настоящих джинсах, которых в те времена днем с огнем было не найти, и только у фарцовщиков за хорошие деньги и можно было купить.

Мечтал пробиться на работе. Стать начальником. Мечтал, когда уже началась перестройка и кооперативы всякие, деньги начать делать. И миллион долларов в руках подержать.

Мечтал квартиру получить и жить отдельно от родителей. Мечтал о том, чтобы за границу съездить...

Время текло медленно – и было ему что вспомнить. И стоял он у станционного окна и вспоминал все мечты свои. И самому ему чудно было – сколько, оказывается, он мечтал. Сколько всего человек хочет. Да мало ли что он хочет – ведь половина все равно не сбывается...

И опять, то ли от безделья вынужденного, то ли от грустных своих мыслей, что, вот, мол, могла у него быть совсем другая жизнь, стал он ревизию проводить, – что сбылось и что не сбылось. И к собственному удивлению, просто к поразительному своему удивлению, понял вдруг, что почти все и сбылось.

Все, о чем он мечтал, сбылось. За исключением, разве что, подержать в руках миллион долларов.

В Ленинград он все-таки съездил, уже после института и

получил, что называется, по полной программе – и белые ночи, и Александровский сад, и Эрмитаж весь исходил, даже на крейсере «Аврора» побывал и потрогал все медные стволы орудий.

И велосипед он себе купил, правда, всего несколько лет назад, когда начал спортом заниматься, ходить в спортклуб, в тренажерный зал. Тогда и подсказал ему его молодой сотрудник – энергичный, всегда в хорошем настроении, – эту мысль:

– Вы, Вениамин Сергеевич, велосипед купите и по утрам катайтесь – настроение и бодрость на весь день обеспечены!..

Купили они тогда два велосипеда, потому что Светка тоже загорелась: тоже хочу кататься, это для ног полезно – борьба с целлюлитом... Правда, и выехала она на нем несколько раз всего – то не выпалась, то погода неподходящая, то месячные...

Он вздохнул тяжело, как всегда в последнее время, когда думал о Светке и их совместной жизни. И продолжал думать дальше.

И студентом он стал. И хлебнул с лишком студенческой жизни, общежитских тусовок, студенческой любви, диспутов на тему: «В чем смысл жизни», экзаменов, переэкзаменовок, выездов на картошку и всего остального студенческого колорита.

И на машине, правда, не новенькой, но зато на иномарочке, – подъехал он таки к дому родителей. И соседи в окна

смотрели. И бабушка, старенькая уже и почти слепая, была довольна. И все поглаживала его по плечу маленькой и сухонькой рукой своей, как бы отмечая его достижения, – молодец, мол, Веня, молодец, хороший мальчик...

И дипломат у него появился – отец подарил, когда поступил он в институт. И джинсов этих сколько он за свою жизнь переносил! И на работе он продвинулся, стал начальником. Правда, в подчинении у него было всего четыре человека, но ведь стал начальником, как хотел? Стал!

И деньги он делал, точно – было время, делал он деньги все с тем же своим другом детства, выросшим в бойкого и оборотливого торговца – Ванькой Козловым. Открыли они тогда, еще в первые годы перестройки прокат видеокассет, потом – палатку коммерческую. И деньги – потекли. Не рекой, конечно, но на фоне всеобщей бедности чувствовал он себя иногда просто миллионером.

И за границей он побывал, и не раз. И даже квартиру они со Светкой себе отдельную устроили. Он купил себе комнату в коммуналке, комнату эту да Светкину комнату, которая ей от бабушки в наследство досталась, обменяли на двухкомнатную квартиру. И жили они сразу после свадьбы отдельно от родителей. Как заказывали.

А вот до миллиона долларов не дотянули их коммерческие проекты. Так и не удалось его в руках подержать – подумал он иронично.

Но мысль эта, что все, оказывается, в жизни сбывается,

все или почти все, – его поразила. И показалось даже несправедливым, что одна мечта-то и не сбылась. И подумалось даже: а, может, еще сбудется. Ведь съездил же он в Ленинград, хоть и через пару лет. И за границу съездил, спустя десяток лет после своей мечты.

И мысль эта, что все мечты, ВСЕ мечты сбываются – была для него новой – и привлекательной. Что-то волшебное было в самой этой мысли. Что вот, мол, оказывается, – как жизнь просто устроена. Мечтай – и тебе дастся. Только мечтай. И обязательно это случится. Рано или поздно, но случится...

И он, задетый тем, что миллион-то ему в руки еще не пришел, подумал: надо просто продолжать об этом мечтать. И было что-то возбуждающее в том, что могла принести осуществленная эта мечта.

Он, Веня – миллионер!

Причем не просто миллионер – долларовый миллионер!

И возбужденный этой мечтой, забывший уже и о Светке, и о встрече выпускников, стоял он у окна на этой Богом забытой станции и мечтал:

– Хочу подержать в руках миллион долларов...

– Хочу подержать в руках миллион долларов...

– Хочу подержать в руках миллион долларов...

...Он был Вездесущим и Всемогушим.

Он существовал везде и мог – все.

Он был – Бог.

Он был – Творец.

И – помогал творить другим. Помогал, просто утверждая их желания и делая все, чтобы желаемое свершилось.

Он – миллиарды тонких вибраций, которые вибрировали в ответ на запросы и желания. И – побуждали к действию тех, от кого зависело выполнение желания.

И в этом была удивительная игра – сценариев и действий, ситуаций и положений, приводящих к желаемому...

...Раздражение было внезапным и каким-то резким, как будто бы включили в нем что-то, просто нажав кнопку: в одну секунду почувствовал он вдруг неприязнь и ко дню этому, и к уже привычному, но нудному голосу диспетчера: «Поезд № 342 Воркута – Москва ожидается прибытием...» и к физиономии добродушного, заторможенного и поэтому постоянно вызывающего шутки сержанта Нечипоренко.

Просто невтерпеж стало ему тут – в дежурке вокзала, в которой и хотел он отсидеть последние два часа дежурства. Обычного дежурства, как сотни предыдущих, тоскливых и долго тянувшихся, потому что не могло быть ничего интересного или необычного в этом привычном дежурстве на маленькой железнодорожной станции. Люди сходили здесь с одних поездов и пересаживались в другие, и было это привычно и как всегда спокойно: поезда здесь останавливались днем, пассажиры еще не успевали ни напиться до состояния буянства, ни потерять свои вещи. Была эта станция ти-

хой, и дежурства были тихими – так, обычная работа: пришел, отсидел положенное, для проформы раз в час вышел, по станции походил, чтобы на глаза начальству попасться, – и несешь вахту дальше. Так было всегда. Только не сегодня.

Сегодня его, что называется, раздирало. Вдруг ни с того ни с сего захотелось ему выйти на перрон, и пошел он по перрону, раздраженно рассматривая привычную колею, и привычный перрон, и знакомые скамейки, и немногих пассажиров – обычных, сидящих в маленьком зале в неудобных жестких креслах и ожидающих московского поезда.

И когда подходил он к скамейкам этим, сам еще не ожидал того, что сделает – просто вдруг, ни с того ни с сего сказал он строго и официально: «Предъявите документы!» И посмотрел на мужчину, недоуменно вскинувшего брови, как бы даже извиняясь, мол, брат, сам не знаю, чего это меня несет, но уж если я это сказал, то будь добр, давай, показывай...

И, наверное, этим бы все и кончилось – ну, подошел к мужику какому-то, ну, проверил документы, исполнил вроде бы свой долг – следить за порядком на отведенном ему объекте, но мужчина этот, который сначала только брови удивленно вскинул, повел себя совсем уж неожиданно и странно.

Встал он с кресла своего жесткого. И снова сел. И опять встал, и – тоскливо как-то по сторонам посмотрел, даже не посмотрел, а глазами стрельнул, – как будто примеряясь, куда бежать.

И все это произошло быстро, в какие-то несколько секунд:

нервная его, суматошная какая-то торопливость. И чувство ужаса мелькнуло в его глазах, так ему, подошедшему проверить документы, показалось. И потом – спокойно уже, как будто бы внутренне смирившись с происшедшим – достал он из внутреннего кармана куртки свои документы и протянул их, но руки его дрожали. Руки его точно дрожали.

И тут уже все чутье, весь милицкий нюх поднялся в нем, заполнил всего его и он сказал уже совсем другим тоном, в котором ни нотки извинения не звучало: «Мужчина, пройдемте со мной!» И документы не отдал в протянутую за ними руку. И посмотрел строго, и даже руку зачем-то на кобуру положил – мол, никаких шуток. И шаг назад сделал, давая дорогу этому странному, испугавшемуся чего-то человеку. И тот, поколебавшись секунду, обреченно как-то головой кивнул и пошел. Пошел, даже сумку с собой не взяв. Небольшую такую, аккуратную спортивную сумку на длинном ремне, которая была подсунута под кресло, на котором он сидел.

И тогда опять, строгим каким-то голосом, как будто приказ отдавая, сказал он этому задержанному, именно так он его про себя и назвал: «Багаж свой возьмите!» И остановился мужчина, опять как-то обреченно головой мотнув, и по сторонам посмотрел, как бы осознавая, что другого пути у него нет – только за милиционером идти, – взял сумку свою и показалось что даже как-то сразу отяжелел, постарел, что ли, с этим своим багажом в руке.

...Он смотрел со стороны на происходящее, не придавая этому никакого значения. Просто вышел в зал ожидания дежурный милиционер. Подошел к мужчине, сидевшему в центре зала, попросил документы. Ничего необычного не было в самой ситуации. Непонятно было только, почему именно к нему подошел милиционер, к нему, а не к другим мужчинам. Не к тем смуглым южным парням, к которым чаще всего и подходили милиционеры проверять документы.

Но его это не касалось. И некогда было ему думать о таких мелочах.

Он мечтал. Мечтал о том, что когда-нибудь в его руки попадет миллион долларов. Что испытывает он волшебное чувство: столько денег – и в его руках... Столько денег – и принадлежат они...

Мечты его оборвались. Потому что уже перед ним стоял все тот же милиционер, и лицо его было каким-то шальным, что ли. И не сразу понял он, Веня, что тот от него хочет. А милиционер этот, горя глазами, в каком-то волнении повторил нетерпеливо:

– Гражданин, пройдемте со мной. Будете понятым...

И он пошел, чертыхнувшись про себя, что вот, мол, уго-раздило его подвернуться под руку этому милиционеру. Еще неизвестно, во что можно вляпаться, став понятым. Понятым – при чем? При ком?

В дежурке стояла тишина. Мертвая какая-то тишина сто-

яла в дежурке. И сержант Нечипоренко, крепкий, здоровый мужик, дышащий всегда громко, как паровоз, – так шутили над ними товарищи, – казалось, не дышал. Стоял он в дверях дежурной части, загородив собой вход, как будто бы амбразуру собой загораживал. И смотрел в упор на задержанного, будто бы даже взглядом ему говорил: «Даже не надейся, что сбежишь... У меня не забалуешь...»

Он только покосился на входящих, отодвинулся, давая им пройти, и опять занял свой пост, цепко смотря на задержанного, хотя – чего уже было на него смотреть? Чего сторожить?

Сидел тот сникший, потерянный какой-то, как будто бы – сдувшийся воздушный шар. И никуда он бежать не собирался. Вообще, ничего он уже не собирался делать, все, что мог, он уже сделал. Он попался. И это был факт.

И подумалось ему тоскливо: ведь чувствовал же, чувствовал, что что-то будет не так. Было у него предчувствие на этот раз, ныло как-то сердце, и внизу живота был какой-то холодок, когда выходил он на этой станции. Хотя – был это уже привычный маршрут. Раз в два месяца вез он по нему деньги. Был он наркокурьером. И работа у него, что называется, была не пыльная, – деньги привез, товар забрал. И был он обычный мужичок, неброский, невидный, каких миллионы. Один из множества в безликой массе пассажиров. И всегда удавалось ему оставаться таким незаметным, не привлекающим внимания. Но сегодня – не удалось.

И непонятно было – почему. Почему? Где он прокололся? И подумал он даже – может, его подставили? Ведь к нему, именно к нему вышел из дежурки милиционер. У него одного проверил документы. Просто невозможно было представить, что было это такое вот – точечное! – случайное попадание. Просто невозможно... И сидел он и думал, думал об этом как-то вяло, потому – что уж тут было думать...

– Ну что же, – бодрым голосом проговорил милиционер, приведший в дежурку в качестве понятых Вениамина и пожилого мужчину, из супружеской четы, которой тот оставлял под присмотр свой чемодан, когда ходил обедать. – Будем оформлять протокол!..

Сказал он это радостно, и что-то мальчишеское было в его голосе. Что-то молодое, щенячье прорвалось в нем, как будто действительно был он служебной собакой – и – вот счастье! – взял след и задержал опасного преступника.

Он замолчал на секунду, как будто соображая, с чего же начать ему этот протокол составлять, как будто бы радость эта его внутренняя даже лишила его на время способности соображать.

Он подошел к столу, на котором стояла сумка задержанного, стояла – приоткрытая, только не видно было Вениамину, что в ней.

– Подержите – скомандовал милиционер и, осторожно, как будто бы в сумке этой был драгоценный дар, передал ее Вениамину.

И тот тоже взял ее осторожно, еще не зная, что в ней. Что там такого, что надо так бережно держать. И что мог этот щуплый, невзрачный мужичок везти...

— Тут — миллион долларов, — почти шепотом сказал милиционер, сказал — сам не зная зачем, просто — сказалоcь это у него. И повторил уже громко и значительно, строго посмотрев при этом на задержанного, — вот, мол, сейчас мы выясним, откуда, куда и зачем такие деньги в обычной спортивной сумке везут...

Вениамин держал в руках миллион долларов.

Он держал в руках миллион долларов...

Там, в сумке, — действительно лежали пачки долларов, тугие, крепкие, толстые пачки долларов. Лежали невпопад, потеряв правильное расположение, в которое были они уложены чьей-то рукой, чтобы меньше места занимали и не выглядывали из-под обычного махрового полотенца, которое и нужно было в этой сумке, просто чтобы деньги прикрыть. Наверное, не удержался милиционер, открыв сумку и увидев там эти правильные ряды и стопки пачек долларов, порылся. Пересчитал, не дожидаясь понятых, чтобы понять — на что он напал, какую птицу поймал в свои сети...

Вениамин держал в руках миллион долларов.

Он держал в руках миллион долларов...

— Ставьте сюда, — скомандовал милиционер, нашедший на столе то, что искал — бланки протоколов задержания, и, указав Вениамину на подоконник. И, поскольку Вениамин все

так же продолжал держать в руках миллион долларов, сказал уже строже: – Гражданин, вы меня слышите? Ставьте сумку сюда!..

Он поставил. Он поставил сумку на подоконник, и в эту секунду с ясностью, с какой-то ужасающей и жуткой ясностью понял, что мечта его осуществилась.

Мечта его осуществилась.

И именно сейчас он понял – какая идиотская это была мечта! Какая кретинская мечта. Он мечтал «поддержать в руках» миллион долларов. И вот – подержал...

И глобальная в своей невозможности ее осознать картинка предстала перед ним.

Мечты сбываются.

Они сбываются именно так, как заказываются.

Именно так.

И в эту секунду понеслось в нем осознание того, почему у них все так со Светкой.

– Не люблю я, когда баба – ни рыба ни мясо... Нет, это не про меня. Мне нравятся стервы! – не раз говорил он своим друзьям, говорил серьезно или в шутку. – Чтобы с ней жизнь бурлила, чтобы не соскучиться!..

«Кретин!» – подумал он сам о себе, вспомнив свои разговоры и впервые в жизни подумал, с опаской глядя вверх, туда, в небеса за низким потолком дежурной части, что там – его слышат. Просто слышат и дают желаемое.

– Хочешь стерву? Пожалуйста, детка, получай стерву! Бе-

ри на здоровье! Только, чур, потом не обижаться!..

И опять вспомнил тоскливо свое недавнее «подержать в руках миллион долларов...».

И вспомнил вдруг, как в свои денежные времена, когда процветала их торговля видеокассетами и палатка приносила отличный доход, – вдруг стали дела идти плохо. Открылся рядом видеосалон. Потом на палатку наехала братва. В общем, поток денег резко уменьшился, и опять, к стыду своему и изумлению, вспомнил свое, не раз сказанное компаньону Ваньке Козлову:

– Слушай, всех денег не заработаешь!..

И понятно, ослепительно понятно и ясно стало ему теперь, почему так и остались они со Светкой в своей двухкомнатной квартире: потому что – а чего, и так нормально, у других и этого нет. И почему так и не появился у них ребенок, потому что вроде его и хочется, но такая это обуза, такая это несвобода, такая – ответственность, что нет его – и ладно. И понял он в эту секунду, что все его желания или нежелания – и есть заявка, заказ Богу – и все это – сбывается.

Просто все сбывается.

И трудно ему было сейчас признать факт этот – такой простой и такой глобальный, что сам он создает свою жизнь своими мыслями и желаниями, своими заявками и ожиданиями.

Трудно признать...

Так трудно признать...

Но смотрел он на сумку, стоящую на подоконнике, и звучало в его голове:

– Хочу поддержать в руках миллион долларов...

– Хочу поддержать в руках миллион долларов...

...Желание было исполнено, но Он, Вездесущий и Всемо-
гущий, не испытывал от этого никакой радости и никакого
удовлетворения.

Еще одно желание – странное и глупое, пустое и ненужное
– исполнилось.

И в который раз за множество веков думалось Ему, Вез-
десущему и Всемогущему Богу, Творцу – почему, ну поче-
му так бездарно используют люди возможности творить свои
жизни?

Почему хотят они «поддержать» миллион долларов, а не
быть такими – чтобы его получать?

Почему мечтают они о джинсах или новых сапогах, о по-
ездке за границу или о повышении по службе, но не мечтают
о силе и возможностях творить свою жизнь?

Почему, созданные по образу и подобию Божьему – твор-
цами, так бездумно и бестолково творят они свои жизни?..

Почему так пусты их желания?

Почему так глупы их потребности?

Почему так неосознанны запросы?

Но – новые вибрации побуждали Его к действиям – и на-
чиналась новая игра.

Точная.

Филигранная.

Качественная.

И ненужная...

...Он веселился с первой же минуты, как сел за руль, и Алена то и дело начинала хохотать – выслушивая очередной его анекдот или байку, которыми Пашка был так богат.

Был он сегодня в ударе, анекдоты просто сыпались из него, и подумала Алена – прикольный он, Пашка, веселый, вообще, нормальный парень, если бы иногда не умничал, не ерничал и не становились его анекдоты и истории ехидными и подкалывающими. Любил он, находясь в центре внимания компании – задеть кого-то, просто не мог над кем-то не пошутить. И Алена – всегда чувствовала себя рядом с ним неуверенно, как будто бы ожидая какого-то подкола или наезда.

Вот и сегодня рассказывал Пашка анекдоты, а сам на нее весело поглядывал, как будто бы выбирая, когда ее можно будет задеть. И – задел-таки.

– Жила-была девочка-дебилочка, – увлеченно рассказывал Пашка очередной анекдот, сосредоточенно поворачивая руль на перекрестке, – и была она страшненькая, хиленькая. И вот пришла к ней волшебница с волшебной палочкой и говорит: «Девочка, я исполню три твоих самых больших желания...»

И девочка-дебилочка сказала: «Хочу, хочу, чтобы у меня был во-о-от такой огромный нос с бородавкой на конце!»

Удивилась волшебница, но исполнила желание девочки.

«Еще, – сказала девочка, – хочу, чтобы у меня были во-о-от такие вот большие-пребольшие уши!»

Исполнила удивленная волшебница и эту просьбу девочки.

«И еще я хочу, чтобы у меня были во-о-от такие длинные-длинные и тоненькие-тоненькие косички».

И сделала волшебница девочке длинные и тоненькие косички.

И спросила изумленно: «Девочка, но почему ты заказала исполнение таких желаний? Почему ты не попросила, чтобы ты была здоровой, красивой, счастливой?»

«А что, можно было?» – удивилась девочка-дебилочка...

Пашка заржал, захохотал громко и, поглядывая на Алену искоса, добавил:

– Вот все вы бабы, как эта девочка-дебилочка, никогда не знаете, чего хотите!

И опять захохотал.

И Алена разозлилась. Вспыхнула, как будто серьезно задел ее Пашка. А он и правда задел ее серьезно, потому что нечего было сравнивать ее с дебилочкой этой, уж она, Алена, прекрасно знает, чего хочет.

Прекрасно знает.

И она сказала, горячась, категоричным, строгим голосом,

ставя Пашку на место:

– Я знаю, чего я хочу. Я хочу встретить мужчину, который будет меня ценить и уважать!

И посмотрела на Пашку, всем взглядом своим выражая – не такого, как ты, который только и может над всеми смеяться.

И она добавила:

– Я хочу встретить заботливого, ответственного, обеспеченного мужчину, рядом с которым я почувствую себя настоящей женщиной.

Но Пашка уже хохотал, поглядывая на нее с издевкой, и, отсмеявшись, только и сказал:

– Все вы, бабы, такие вот – дебилочки, как в анекдоте... Мозгов у вас не хватает, даже чтобы желания свои сформулировать... Ну и толку-то тебе будет от твоего обеспеченного и уважающего, будет тебе деньги на карманные расходы выдавать и дома тебя держать, как куклу – для красоты... Эх, ты...

Пашка замолчал, потом авторитетно и громко, как опытный старший товарищ сказал:

– Мелко мыслишь, молодежь! Мелко мыслишь!.. – И сказал авторитетно, как некую истину произнес: – Хотеть надо много! Хотеть надо – все. Вот я хочу мешок денег. Потому что деньги – главное! – И сказал опять Алене назидательно: – Деньги – главное, деточка. Деньги, а не всякие там любви, романы. Деньги дают все. Деньги дают власть. Деньги дают

возможности. Деньги – главное... И произнес весело и громко, как заказ наверх отправил: – Я хочу, чтобы у меня был мешок денег. Чтобы на меня свалился мешок денег!..

И замолчал, как будто бы погрузившись в осознание глобального своего и мудрого желания.

И Алена замолчала. Просто сидела рядом с Пашкой в его машине, смотрела на проезжающие мимо машины, людей на тротуарах, – и думала, и – представляла. Потому что – что бы Пашка ни говорил – она-то точно знала – чего она хочет.

Она хочет богатого и щедрого, доброго и великодушного, уважающего и любящего мужчину, за которым будет она, как за каменной стеной.

И она даже могла себе представить, как она с ним познакомится.

Как будет она стоять с поднятой рукой, голосуя, и остановится шикарная машина, и волнующий мужской голос скажет:

– Такие девушки, как вы, не должны ходить пешком...

И это будет – он...

...Машина шла мягко и бесшумно – машины такого класса, стоящие таких денег и должны ходить мягко и бесшумно.

Каждый раз, когда водитель трогался с места и начиналось движение – он думал об этом.

И нравилась ему эта мягкость движения, ощущение комфорта. Нравилось ему быть в этом. И нравилось ему быть

тем, кто он есть.

Он был умен, интеллигентен и обладал потрясающим чувством юмора – еще в молодости он всегда становился центром компании, всегда был неутомимым фонтаном анекдотов и шуток, он искрометно шутил и иронизировал.

Он был откровенно, бесстыдно богат, так богат, что мог не только не считать, сколько денег у него в кошельке, но и не считать – сколько денег в банках, потому что поток этот не прерывался, а шел и тек, и деньги – были чем-то таким, что просто было в его жизни.

Он был щедр, как может быть щедрым откровенно богатый человек – которому нечего терять от своей щедрости.

Он был интеллигентен, хоть и прошел и огонь и воду и общался за годы становления своего бизнеса и с бандитами, и с молодыми борзыми мальчиками, рвущимися в бизнес и деньги, забыв о всяких принципах и нормах морали.

Он был умен.

Он был стройный, почти как мальчик, но совсем другой, старческой стройностью. И старческая худоба проступала даже на висках, на которых уже появились еще почти незаметные склеротичные бляшки.

Ему было 74 года.

Он был откровенный и безнадежный импотент.

Он ехал в свой центральный офис на роскошной иномарке, за рулем которой сидел его постоянный водитель.

И, заметив стоящую у обочины с поднятой рукой мило-

видную девушку с каким-то торжественно строгим, как будто бы ожидающим чего-то важного лицом, он скомандовал голосом, которым привык отдавать приказы:

– Останови.

И, когда она села рядом с ним на заднее сиденье, войдя в заботливо открытую им дверь, она услышала долгожданное и такое желанное:

– Такие девушки, как вы, не должны ходить пешком...

...Заказ был выполнен.

Встреча произошла.

Но Он не стал наблюдать за выражением ее лица – за многие и многие века привык Он к этому изумленно-разочарованному, непонимающе отчаянному выражению лиц, когда человек понимал, что желаемое свершилось, но свершилось совсем не так, как он хотел! Вернее, свершилось именно так, как он хотел, но разве этого он хотел!..

Но Он не отвечал за качество заказа.

Он, Всевышний и Всемогущий, отвечал только за качество его выполнения.

И выполнив очередной заказ, приступал к воплощению нового. И – начиналась новая точная игра по созданию нужной ситуации...

...Пашка спал, разметав во сне руки, и улыбаясь чему-то, как будто бы чувствовал, что заказ его уже выполняется. Что

скоро – совсем скоро деньги, куча денег, мешок денег свалится на него. И заказ его, как и все заказы Ему, Всевышнему и Всемогущему – уже выполнялся.

Мешок, пока еще пустой, уже лежал на переднем сиденье машины, на которой они – трое грабителей должны подъехать к банку через полтора часа.

Туда, к назначенному сроку подъедет и Пашка – просто вынужден будет подъехать, объезжая пробку на проспекте Мира.

И Станислав Сергеевич, пожилой кассир, который, что называется, «зубы съел» в банковском деле, и клиентов на расстоянии чуял, выйдет сегодня на работу с больничного, он и тревожную кнопку нажмет, почуяв в двух клиентах, входящих в зал, угрозу.

И тому, кто понесет мешок с тугими банковскими пачками – ничего не останется, как, услышав крик и предупредительный выстрел, – не побежать к ожидающей его машине, а просто вломиться, впрыгнуть в проезжающую мимо машину, чуть не огрев водителя мешком денег, и заорать заполошно: «Жми, давай!»

И на первом же повороте он выскочит, вывалится из машины, на четвереньках, по-собачьи пробегая между запаркованными машинами, в надежде уйти от преследования.

И оставит Пашку с мешком этим, туго набитым деньгами, и чувством ужаса от самой этой дикой ситуации, и звуками сирен, и холодом где-то внутри живота, оттого – что вот это

вляпался...

Мешок денег будет лежать на переднем сиденье.

К остановившейся машине будут подходить люди в камуфляже и с оружием.

А в голове будет звучать только одно:

– Деньги – главное.

– Деньги – главное.

– Деньги – главное...

...Он был Вездесущим и Всемогушим.

Он существовал везде и мог все.

Он был – Бог.

Он был любовью – безусловной и всеобъемлющей.

Он просто любил и поэтому давал желаемое...

Капля Бога

...Рука никак не хотела попадать в рукав, и Марина с раздражением, еще в полусне, все тыкала и тыкала рукой в невесть куда подевавшийся рукав, и в голове еще звучало это непонятное: «Вспомни каплю, вспомни каплю...», – когда будильник зазвонил, зазвонил звонко и противно, как могут звонить только будильники, и она раздраженно хлопнула по нему рукой, так и не вдетой в рукав халата, и встала, подумав в очередной, невысказанно какой раз, как думала каждое утро: и кто только придумал эти будильники, голову бы этому уроду открутить...

Она ненавидела будильники, ненавидела утро за то, что нужно было вставать, именно **НУЖНО** было вставать! – когда вставать совсем не хотелось, а больше всего хотелось, как сегодня, – в зимний морозный день – лежать под одеялом, уютно свернувшись калачиком, и грезить в полудреме, находясь где-то в хороших снах, ощущениях тепла и безопасности...

Вадим заворочался, но не открыл глаза, только потянул на себя одеяло, собираясь укутаться еще больше и продлить сон, и она, поняв все его ухищрения, потянула одеяло на себя, и сказала, громко, четко – чтобы не дать ему уснуть:

– Пора вставать, нечего укутываться!..

Сказала она это, как солдафон, жестко и холодно, потому

что надоели ей его ежеутренние попытки еще немного полежать, понежиться под одеялом, когда нужно было вставать, будить детей, собираться на работу.

И опять раздражение поднялось в ней, как волна, раздражение всем: и этим утром, и халатом, который никак не хотел надеваться, и Вадимом, и этим непонятным: «Вспомни каплю...»

Ей снилось это уже не первый раз. И каждый раз она не запоминала это. Это – снилось ей, и было чем-то большим, чем-то очень большим, непонятным, и каждый раз просыпаясь после такого сна, она несколько секунд лежала в неподвижности, почти не дыша, боясь вспугнуть эти ощущения и желая поймать их, чтобы понять: что же ей в конце концов снилось.

Этот повторяющийся сон тревожил ее, тревожил своей непонятностью и своей повторяемостью. Ничего хорошего не было в том, что он повторялся, она это знала четко.

Еще в детстве преследовал ее такой же повторяющийся сон. Снился он ей каждый раз, когда она болела и у нее поднималась температура. Снился он ей в бреду, и был, наверное, результатом горячечного бреда, но волна эта, мощная и страшная, которая обрушивалась на нее в этом сне, – на нее, малюсенькую, и невидную, как песчинку, – была неминуемой. И такой обреченной и страшно одинокой чувствовала она себя всегда в этом сне. Такой крошечной – и бессильной что-то изменить.

И она, болея в детстве часто, потому что слабые были у нее миндалины, и ангины у нее были постоянно, пока папа однажды не настоял и ее не положили в больницу и не удалили миндалины – всегда боялась своей болезни. Боялась, когда начинало болеть горло и поднималась температура. Боялась, потому что знала, что этот страшный сон, в котором она была обречена быть погребенной под этой мощной волной, будет ей сниться и сниться...

Ничего хорошего нет в повторяющихся снах, – это вынесла она из своего детства. Но сколько ни прислушивалась к себе – ничего страшного или плохого не было в ее ощущениях после этого сна. Но непонятное это: «Вспомни каплю, вспомни каплю...» – тревожило и напрягало...

...Халат был надет. Чайник поставлен на плиту. Она умылась и причесала волосы, и, уже полностью проснувшись и входя в ежедневный свой ритм – пристраивала в голове весь свой день, в котором много всего нужно было успеть, и иногда голова шла кругом – как можно все это успеть и сделать. И поэтому еще большее раздражение почувствовала она к Вадиму: ему что – ему лишь бы подольше в постели поваляться и поменьше забот на себя взять. А остальное – все она, все она...

И с этим раздражением она пошла в комнату к детям и тоже, резко, громко – не боясь шуметь, а наоборот, делая все как можно громче, раздвинула шторы, стукнув кольцами по карнизу, потом включила свет, чтобы разбудить детей, что-

бы они поняли – миндальничать она не собирается, – пора вставать.

Арсений спал крепко, все ее действия не имели никакого успеха – он даже не пошевелился в своей кровати, и она в который раз удивилась его способности засыпать и спать в любой ситуации. Но сейчас ничего умильного не было в том, как крепко он спал, потому что будить его приходилось ей, и кому хочется возиться с ребенком, который не хочет просыпаться, когда нужно в темпе собираться в школу?

И она громко и жестко, как только что Вадиму, скомандовала:

– Арсений, вставай! Быстро вставай! Я с тобой возиться не собираюсь!.. – И увидев, как дрогнули ресницы сына, добавила так же жестко: – Чтобы через две минуты – стоял на ногах!..

И подошла к кровати Артема.

Он спал. Обладал он той же способностью, что и брат – спать крепко и глубоко, не реагируя ни на голоса, ни на свет, и сколько раз завидовала она им, своим детям, этому умению их погружаться в сон и быть там, не реагируя ни на крики, ни на будильник, ни на шум за окном. Она не умела так спать. Просыпалась от звука сигнализации во дворе, от крика соседей за стеной, даже от шумного дыхания Вадима...

Артем спал. И даже во сне его лицо казалось горестным, как будто бы как лег он вчера в слезах, несчастный, наказанный ею, так и проспал всю ночь в этом детском своем несча-

стве – быть отруганным и наказанным мамой...

Только ее, Марину, сегодня не трогало это его несчастное лицо. «Несчастное», с какой-то злостью подумала она. Паршивец, испортил все обои в детской, это же надо было додуматься – взять и разрисовать фломастерами рисунок на обоях! Это же надо! Ведь только летом сделали они ремонт. «Они» – подумала она тоже зло. Она сделала этот ремонт.

Вадиму как всегда было некогда, и она сама ездила по магазинам, выбирая эти обои для детской, такие, чтобы подходили и семилетнему Арсению, чтобы не слишком уж детским был рисунок на обоях, и чтобы трехлетнему Артему подходили. И чтобы была у детей веселая и славная комната. И обои она нашла подходящие – в домиках и паровозиках, с забавными человечками и веселыми деревьями на голубом, небесном фоне с белыми облаками. И сама она их наклеивала, и муторное это было дело – в одиночку размечать их, и резать, и скакать со стремянки вверх-вниз, – потому что некому было помочь ей. И вот теперь эти веселенькие обои испортил этот паршивец. Дорисовал он человечкам волосы на голове, между облаками намалевал, по-другому и не скажешь, – солнце, много солнц, куда доставала его рука. И поскольку рисовал он еще очень плохо, рисовал скорее каляки-маляки, чем рисунки, – солнца эти были похожи на яркие жирные кляксы. И деревья своими каляками он подправил, сделав их ярче, и паровозики кое-где, где успел, так же «закалячил», но именно в этот момент и поймала она его за

этим занятием и всыпала, что называется, по первое число. И по заднице надавала, и по рукам нашлепала, и спать уложила раньше – в наказание. Ведь должен же уже понимать, что делает!

И он, в детском своем горе, плакал громко и безутешно, плакал и звал ее – только она не пошла к нему, чтобы осознал, паршивец, что натворил. Он – так и заснул в слезах и в всхлипах. И даже теперь, утром, лицо его было все таким же горестным, как и вчера...

Утро прошло в хлопотах, и в суете, и в раздражении. И опять Вадим умчался раньше ее, заранее замахав руками на ее еще невысказанное – отведи хоть Артема в сад:

– Некогда мне, я опаздываю, у меня сегодня планерка...

И – как чаще всего это и бывало – даже тарелку за собой не убрал, так и оставил на столе. Некогда ему, видите ли, у него планерка. А ей – есть когда...

И она громыхнула этой тарелкой о раковину и заорала на детей, все еще копавшихся в прихожей:

– Сколько вы еще будете собираться!..

И раздраженно оттолкнула Арсения, который копался со шнурками, завязывая брату ботинок, завязала сама, подумав опять – все я, все я, мне одной все это надо...

И по пути в сад и в школу была она молчаливой. Шла в своем раздражении, и не хотелось ей смотреть по сторонам на сугробы, навалившие за ночь, и дети, сначала радостно, по-щенячьи выражавшие свои восторги выпавшим снегом,

тоже смолкли, знали они – лучше молчать, когда мама такая...

...Старуха нависала над ней всем своим телом и тряслась в такт тряске вагона, тряслась усиленно, демонстрируя всем своим видом, как неудобно ей, пожилой женщине, стоять, когда никто – она периодически с гневным выражением на лице обводила взглядом сидящих пассажиров, – никто не уступит места. Но Марине понятны были все ее ухищрения, специально ведь встала над ней, старая зараза, хотя вон у двери в углу столько свободного места, можно встать, и опереться спиной, и не стоять посреди вагона с видом оскорбленной добродетели.

Раздражали ее такие вот бабки немислимо. Раздражали уже тем, что выползали из своих квартир ни свет ни заря и перлись куда-то в метро, где и так полно народу, и каждый хотел занять место и сидеть, так нет – появлялась какая-то бабка, божий одуванчик, которой вынь да положь – уступи место.

Иногда Марина уступала. Уступала место, кляня про себя очередную старуху, припершуюся, на ее голову, в этот час в метро. Иногда, как сегодня, не уступала. Потому что сама хотела сидеть, потому что... Почему всегда именно она должна уступать? Что, она одна в вагоне едет и видит эту старуху?

И она, как и другие пассажиры, продолжала сидеть, опустив голову и прикрыв глаза, будто бы и не замечая этих

гневных взглядов и этого ожидания — может, в ком-то проснется совесть, и уступит он место пожилой женщине. Она продолжала сидеть, хотя раздражение ее против старухи не уходило, а все росло. Кому понравится, когда над тобой, как укор совести, стоят и ждут твоего доброго поступка? И вспомнился ей Женька Филимонов с ее работы, рассказывавший когда-то про такую же вот ситуацию и сказавший простое и мудрое:

— Я бы этих старух, которые с утра уже в метро прутся и не дают людям спокойно до работы добираться, — в младенчестве бы приканчивал, чтобы не мешали людям жить...

И она в раздражении своем даже не замечала сейчас юмора в этой фразе, а подумала зло — вот уж точно, в младенчестве бы их приканчивать, чтоб не нависали над тобой с укором совести...

И она, выйдя уже из метро, была вся в этих своих раздраженных мыслях. И думала, как люди уже с утра портят тебе настроение. Еще день толком не начался, а настроения уже нет как нет. А сейчас начальник начнет монотонным своим голосом читать нотации — договор не заключен, клиент может уйти, так можно потерять всех клиентов: раз клиенты к ним обращаются — значит, надо делать все, чтобы они получили здесь свои услуги...

Начальник их, Петр Иванович, действительно сегодня был, что называется, в духе. И планерка их, даже не планерка, скорее короткое собрание отдела — была на редкость за-

нудной. И Марина сидела, все больше погружаясь в свое раздражение, и даже Женька Филимонов не мог сегодня вывести ее из этого состояния.

Женька Филимонов всегда во время этих занудных лекций начальника сидел с хитрющим лицом, старался делать его серьезным, но весь его вид говорил – ну, умора, вы послушайте только, что он говорит.

Женька не мог жить без приколов, розыгрышей, не мог не юморить, не придумывать чего-нибудь веселого. Это он пару месяцев назад во время обеденного перерыва, когда пошли они, неожиданно всем отделом в блинную, и весело ели блины под Женькины байки, – рассказал не анекдот, а так – прикол, что каждый заголовок в прессе нужно рассматривать, как подпись к фотографии, на которой мужчина и женщина бурно занимаются сексом. И, чтобы долго не подтверждать эту мысль, достал из портфеля свежую газету и начал читать:

– Все дело – в темпе... Если хочешь быть здоров... Палочка-выручалочка... В депутаты – любой ценой...

И хохотали они тогда все до самозабвения, И после, вернувшись в отдел, он предложил собирать самые выдающиеся заголовки и устроить конкурс на самую оригинальную и захватывающую подпись. И все с легкой Женькиной руки стали приносить в отдел вырезки, и сама Марина несколько раз не удерживалась, тоже хваталась за ножницы и вырезала что-то задиристое – «Пришла пора посевной» или философское – «Всюду – жизнь»...

И надписи эти Женька предложил вывешивать на информационный стенд, висящий в их отделе. И было это так смешно, когда рядом с листком, на котором была написана миссия их компании и расписание отпусков, и график дежурства агентов в праздничные дни, висели заливчатские заголовки – «Дело мастера боится...», «В активности – наша сила».

И начальник их, человек, погруженный в себя и редко что замечающий, все же заметил эти надписи и недоуменно обвел всех взглядом, и Женька на полном серьезе объяснил ему, что они решили вывешивать для стимула в работе такие вот призывы, что это хорошо влияет на настроение и вызывает энтузиазм у сотрудников. И хотя Петр Иванович знал Женьку как отчаянного балагура и весельчака, не стал с ним спорить, наверное, просто боясь попасть в смешное положение. И так и красовались эти надписи, сменяя друг друга.

И каждый раз, когда, как сегодня, Петр Иванович увлекался и планерки его становились занудно-назидательными, хитрое лицо Женьки стреляло глазами на стенд, на котором висел очередной перл, принесенный им же, и – смешно это было – слушать сентенции Петра Ивановича, представляя обнаженную парочку под названием «Финиш – приближается!»

Сегодня же, увидев озабоченный хмурый взгляд Петра Ивановича и уже по опыту зная, что в таком состоянии он особо усердно ведет их утренние собрания и становится за-

нудой, какого свет не видывал, Женька успел прошептать всему отделу:

– Сейчас опять начнет нам рассказывать, как хорошо мы должны обслуживать клиентов... А раньше, – он ухмыльнулся, и глаза его хитро сощурились, – только проститутки так называли своих «гостей»... Да, недалеко мы ушли от самой древней на Земле профессии...

И невинная эта его фраза, возымела свое действие. Как только начал Петр Петрович свое привычное: «Клиент приходит к нам – и мы должны его обслужить по высшему разряду...», – на серьезном Женькином лице проступила хитрая улыбка. И все тоже стали улыбаться, и ничего нельзя было поделать со своим лицом, как ни старайся, слыша фразу: «Клиент для того и приходит к нам, чтобы удовлетворить свою потребность...»

Марина не улыбалась. Она одна, пожалуй, не улыбалась во время всей этой белиберды, столько раздражения было в ней, что даже Женька ничего не мог с этим сделать. Раздражал ее сегодня и сам начальник, и Женька, этот шут, который все никак не может уgomониться, и всех вокруг себя заводит. И подумала она: лучше бы действительно с клиентами работал внимательнее, а то только и может языком чесать, толку от него, как от сотрудника, никакого...

И полдня прошло в суете и раздражении. Сначала компьютер завис, и она подумала зло – не выдержал он моего сегодняшнего «радостного» состояния. Потом принтер заело,

и он стал жевать бумагу, и она никак не могла вывести текст договора, и клиент сидел с лицом, на котором было написано такое нетерпение, как будто он на самолет опаздывает. А когда наступило время обеда, опять усилилось ее раздражение, на этот раз из-за Наташки Калашниковой, сотрудницы ее, которая подошла и голосом своим тихим, осторожным, каким она говорила со всеми, как бы боясь их побеспокоить, спросила:

– Марина, а ты куда сегодня пойдешь обедать?.. – И, не дождавшись сразу ответа, – потому что знала уже Марина, зачем она это спрашивает, и не знала, как отвязаться, добавила: – Я можно с тобой пойду?..

Наташке все равно было, куда идти. Для нее главное, с кем-нибудь пойти. Была она, в принципе, хорошей девушкой, ответственной, доброй, отзывчивой. Даже слишком доброй и отзывчивой и добротой этой ее пользовались все сотрудники. Очень ей хотелось подружиться с кем-то, не хватало ей внимания, это понимали все.

Была она хромоножкой, попала еще в детстве в автомобильную аварию, так и осталась навсегда с укороченной ногой и переваливающейся, кривой какой-то походкой. И хоть и была она, Наташа Калашникова, действительно хорошей девочкой и добрым человеком, никто не любил с ней общаться и ходить куда-то. Напрягало ее присутствие, ее какое-то неприкрытое ожидание одобрения, принятия. Хотелось ей, чтобы ее любили, чтобы с ней дружили, но – кому хочется

ходить в паре с ковыляющей, перекатывающейся с ноги на ногу девушкой, пусть даже и очень милой? И Марина проговорила что-то вроде:

– Сама еще не знаю... Не знаю, пойду ли, хотела по магазинам пробежать... – и глаза опустила.

И Наташка только согласно головой закивала – мол, конечно же, конечно же, Марина, я понимаю, извини, что беспокоила...

...День не задался, думала она вечером, стоя в тряском вагоне метро. Казалось ей, что даже электричка сегодня идет как-то неровно, как будто ведет ее кто-то неумелой рукой. И подумала она раздраженно: как картошку везет, паразит...

И весь путь домой, который пролегал через магазины, школу, детский сад, не придал ей оптимизма, ничего не изменил в ее настроении.

Да и как тут изменится настроение, когда в одной руке пакет с продуктами, на другой виснет Артем, а Арсений идет впереди, постоянно бухсуя, потому что оборачивается к ней и рассказывает, как сегодня на продленке потеряли Машку Симонову, которая с обеда ушла с другой группой продленного дня, а там не сразу заметили, что она не их. А их учительница ее по всей школе искала... И Марина, слушавшая сына вполуха, потому что полна была своими мыслями о том, что сейчас приготовить, пришел ли Вадим, или ей опять за все одной хвататься, и только покрикивала Арсению: «Господи, да иди ты скорее, ну что ты все тормозишь,

не видишь, мне с сумкой тяжело идти!», – остановилась даже и спросила Арсения:

– Как это, по всей школе искала? А вы где были?

И Арсений, обрадованный тем, что мама, наконец, его услышала и интересуется его школьными делами, тоже остановился и стал уже подробно рассказывать, что учительница ушла, а они остались одни. И сидели в классе, ждали, когда она Машку найдет...

– И долго вы одни сидели? – спросила Марина с раздражением, потому что это же надо – только этого и не хватало – оставлять их, первоклашек, бесконтрольными, они же бешеные, они же могут там и головы себе переломать, и ноги, видела она не раз в школе, как носятся они, как ненормальные, когда никто их не пасет...

И подумала про себя, надо будет учительнице по мозгам надавать, чтобы детей не теряла и одних не оставляла. Долго ли до беды? А не можешь со своими обязанностями справиться – нечего в школе делать...

«Доброй» была она сегодня. И дети, прекрасно уже умея различать в маме, когда она такая вот «добрая», как только пришли домой, в своей комнате затихли, чтобы не вызвать случайно на себя поток ее раздражения.

И Вадим, пришедший спустя почти час после их прихода, тоже сразу понял, чем пахнет в доме. В доме пахло скандалом. В доме пахло истерикой, какие часто случались в последнее время. С недовольным ее лицом, с криками: «Поче-

му мне все нужно?.. А ты где?.. А тебе не нужно?..» Со слезами и с засыпанием – спина к спине, и с ощущением, что лежишь ты в постели с чужим человеком, к которому и прикоснуться-то неприятно, потому что чужой – он и в Африке чужой.

И если и не случилось сегодня этого, то только потому, что Вадим тоже затих, и посуду за собой со стола убрал, имея уже опыт, как из-за одной только неубранной тарелки такие баталии начинались... И сел за стол просматривать какие-то свои бумаги, всем своим видом говоря: «Я делом занят... Вот сижу тут, никому не мешаю, никого не трогаю...»

И она так устала за сегодняшний день, что даже ссориться у нее сил не было. И дети, ощущая ее состояние, ее скрытое раздражение, сами спать улеглись, и не пришлось ей даже строгим голосом напоминать:

– А зубы? Кто зубы будет чистить?..

И только звонок мамы окончательно ее добил, лишил ее последних на сегодня сил. Потому что позвонила она, как всегда, не вовремя. Как всегда, именно в тот момент, когда меньше всего был нужен ее звонок. И, не чувствуя напряжения, стала подробно расспрашивать, как она, как дети, как Арсений в школе, и пересказывать статью о плохом качестве школьного питания, мол, у детей – сплошь гастриты, что, может быть, Арсению стоит отказаться от питания на продленке и брать с собой еду из дома.

И Марина едва сдержалась, чтобы не наорать на мать, по-

тому что это же надо только придумать – она будет Арсению еще еду в школу готовить, и с собой укутывать, чтобы теплая была. А она о ней подумала, – когда ей эту еду готовить, больше ей делать нечего, как еще еду Арсению в школу готовить! И она сдержалась, но через секунду не сдержалась и заорала на мать дурным голосом, когда та все с той же заботливой интонацией продолжила:

– Я сегодня была в кулинарии – и такой фарш замечательный, свежий вынесли, я купила два килограмма и на вашу долю. Фарш прекрасный, тебе нужно заехать завтра, забрать – детям можно сделать суфле, помнишь, как я тебе готовила, в духовке запекала, и можно Арсению котлеток с собой дать на продленку...

И тут ее прорвало потому что – это же надо! – она еще за фаршем должна ехать, ей только фарша не хватало!

И она заорала:

– Мать, ну сколько раз тебе говорить, ну не лезь ты туда, куда тебя не просят, ну на хрена мне этот фарш! Я что себе – фарша не куплю? Что ты лезешь со своей заботой и своими советами, которые никому не нужны!..

И проорала она это в трубку, и трубкой грохнула. И больше сил у нее не было этот день продолжать. И она легла в постель. И лицо у нее было напряженное, недоброе, и она сама, как будто бы увидев себя со стороны с этим напряженным злым лицом, подумала, почти засыпая:

– Я с таким лицом, наверное, и проснусь, как Артем вчера.

Заснул несчастный и проснулся с несчастным выражением лица...

И она потянула на себя одеяло, не обращая внимания на недовольное мычание Вадима: ничего, перетерпит, и почти мгновенно, вымотанная всем сегодняшним днем, ушла в сон.

И сон ее был – тот самый...

Тот самый сон, который так долго она ловила в своих ощущениях...

...Он был – великим.

Он был – могучим.

Он был – таким огромным, всеобъемлющим, таким величественным, таким мощным в своей величине, что у нее не было слов, чтобы осознать это или описать словами.

Он был – все.

Он был – везде.

Им было проникнуто все пространство, все – видимое и невидимое.

Он был – свет.

Он был – любовь.

Он был – Бог.

И она была – капля Его.

Она была капля Его. Крохотная капля света. Капля любви. Капля Бога.

Она была каплей Его – частью Его.

Она стала ею, как только появилась. Не появилась на свет, а когда только появилась из слияния двух клеток и стала сначала маленьким, крохотным зародышем, потом плодом, потом ребенком.

Она стала им, как только создалась – в ту же секунду капля света и любви, капля Бога, душа ее, вошла в нее и больше не покидала ее.

Потому что и была ее сутью. Была ее истинным содержанием. Ее истинным проявлением.

Она была любовью и чистотой. Она была светом и принятием.

Она была – Богом.

Каплей Божественного.

И она не помнила об этом. Она забыла об этом. В суете и делах, в спешке и хлопотах ей некогда было остановиться – и вспомнить, кто была она.

И все ее поступки, раздражение и злость, и недовольство и зависть – все эти проявления были простым следствием того, что она забыла о том, кто она есть. Потому что та она – настоящая, которой она и была на самом деле – никогда бы не смогла так себя вести.

Она была – любовь.

И могла только – любить и понимать.

Принимать и сочувствовать.

Отдавать поддержку и делиться любовью.

И каждый человек на этой планете, возлюбленной Бо-

гом, — был каплей Бога.

Каждый был — чистой и любящей и принимающей и светлой Божественной душой. Частичкой Бога.

Просто — они об этом забыли.

И она — вспомнила об этом...

Она вспомнила...

...Она лежала в темноте с открытыми глазами, и стрелки будильника тикали, и звучание это казалось ей каким-то чистым и благостным. Как будто какое-то новое время отсчитывали эти стрелки. Новое время в ее жизни. Потому что то, что она вспомнила, было таким новым и сильным, таким свежим и чистым, что только другая, чистая и светлая жизнь могла начаться после этого воспоминания.

«Вспомни о капле... Вспомни о капле...» — опять пронеслось в ней, и она улыбнулась этим словам, улыбнулась светло, как лучшим и самым светлым словам, которые когда-то звучали в ней. Потому что знала, кому принадлежит этот голос. Ему, великому и сильному, которым было проникнуто все вокруг. Тому, чьей каплей она была.

Она вспомнила...

Она вспомнила...

И она улыбнулась опять, улыбнулась светло и легко. И вздохнула легко, и поудобнее устроилась головой на подушке, прижавшись нежно и осторожно к телу мужа, спящего глубоко и дышащего глубоким, сильным дыханием, и поду-

мала, засыпая, просто уходя обратно в свой светлый сон: «Он тоже капля... Капля моя любимая...»

...Утро было свежим и чистым. И узоры на стеклах кухонного окна были прозрачными и чистыми. И она, Марина, была прозрачная и чистая, как будто бы просветленная тем светом, в котором была во сне и которым, как она вспомнила, и была сама.

Она встала почти неслышно. И немного постояла у кровати, глядя на Вадима, уткнувшего лицо в подушку и спящего сладко, как могут спать только дети. И подумала с нежностью – да ведь он тоже спит так, как Артемка с Арсением, крепко и глубоко, и улыбнулась, светло радуясь этой их возможности полноценно и глубоко спать. И выключила кнопку будильника – нечего ему трезвонить, раз уже она проснулась. И подоткнула одеяло, чтобы Вадим лежал, как в теплом уютном домике, и подумалось ей как-то светло – пусть еще поспит немного.

И пошла в ванную, потом на кухню ставить чайник. И постояла немного у разрисованного за ночь кухонного окна, оттягивая время, давая детям еще несколько уютных и сладких минут побыть во сне, в теплых и мягких постелях.

И когда зашла она в комнату, еще темную, только фонарь с улицы освещал ее неярким теплым светом, подумала опять – легкое свое: «Вот, спят мои капли... Капельки мои любимые...»

И посмотрела на них, кажется, впервые в жизни, не как на сыновей, на мальчишек – на чистые Божественные существа. На Божьи чистые и светлые души. И перевела взгляд на обои, разрисованные Артемом, и подумала, – ведь рисовал он солнце, и деревья делал ярче, и людям нарисовал волосы своими «каляками», и, наверное, казалось это ему очень красивым, то, что он рисует. Он ведь – улучшал, он украшал. Он свое, детское и чистое, выразил в этих рисунках. Ну и что, что умеет он пока выражать только «каляками-маляками»? Ведь чистым было его стремление. Он хотел сделать как лучше.

И подумала – впервые в жизни подумала так о своих детях – дети не могут делать плохо – они всегда делают хорошо. Они всегда стараются сделать все хорошо и правильно, они просто не могут хотеть плохого, потому что они ближе всего к Богу. Они – самые настоящие и чистые и еще не забывшие об этом – капли Бога. Просто не всегда это у них получается. Не всегда они способны это сделать правильно, потому что малы. И получается у них все так, как получается. Но стремления их всегда чисты и хороши...

Она поцеловала Артемку, поцеловала и осталась на мгновение прижавшейся к его щеке – детской, упругой, пахнувшей ребенком. И прошептала нежно и тихо:

– Сынок, вставай...

И добавила, тихим шепотом, проникнутым любовью и нежностью к нему – великому и чистому преобразователю,

художнику ее любимому:

– Вставай, мой дорогой, пора в садик собираться...

И опять поцеловала.

И отошла к Арсению.

И, присев у его кровати, несколько секунд смотрела на безмятежное его лицо, глубоко ушедшее в сон, на полуоткрытые губы, на смешные его вихры, с которыми он постоянно просыпался. Любил он спать, уткнувшись лбом в подушку, и волосы его, нежные и мягкие, приминались, и вставал он всегда – смешной, с торчащими на лбу вихрами, и потом в ванной приминал влажной ладошкой свои волосы, чтобы вернуть им нормальный вид.

И она погладила его голову, погладила нежно, как бы боясь разбудить и будя его этим движением. И погладила его упругую щеку. И тоже прижалась к ней щекой, – и он дрогнул – непривычным было это ее прикосновение. И она сказала тихо и нежно:

– Вставай, сынок... Пора просыпаться... – И – поцеловала его в висок, и он – глаза открыл, открыл резко и недоуменно, как будто бы и не понял – что это, почему это?

А она все тем же нежным и мягким своим голосом, который и был ее настоящим голосом, сейчас она это ощущала, сказала певуче:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.